

К НЕИЗВЕСТНОМУ

Публикация Е. Рудницкой

[Публикуемая записка Огарева датируется на основании его письма к Герцену от 11 ноября] 1869 г. (см. «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 569). Как в письме, так и в записке речь идет о книге А. Станкевича «Тимофей Николаевич Грановский». И в письме и в записке Огарев характеризует книгу в одинаковых выражениях.

Несомненно, записка адресована тому «новому хорошему человеку», который, как сообщает об этом Огарев Герцену в указанном письме, привез книгу из России. В записке, в обращении Огарев называет этого «нового хорошего человека» — «мой новый друг». Установить, кому она адресована, не удалось.

[Записка целиком посвящена оценке книги А. Станкевича. Так же как и в письме к Герцену, Огарев отзывается о книге резко отрицательно, не входя при этом в обсуждение личности самого Грановского. В письме к Герцену подобное обсуждение было излишним: оба хорошо знали, как каждый из них относился к Грановскому. Адресуясь же к «новому другу», Огарев вскользь поясняет ему свои былые отношения с Грановским, отмечая, что причиной расхождения, происшедшего между ними в конце сороковых годов, явились «не только юношеские, но и теоретические размолвки». Самый же характер критики книги А. Станкевича свидетельствует о глубокой симпатии Огарева к Грановскому. Он возмущен тем, что автор не понимает предмета, о котором пишет; возмущен стремлением А. Станкевича «пригладить» Грановского, изобразить его верноподанным профессором, стоящим на одном уровне с обществом, окружавшим его. Интересно отметить, что эту же мысль развивал Салтыков-Щедрин в своей известной статье «Один из деятелей русской мысли», представляющей собою развернутую, хотя и не оконченную рецензию на книгу А. Станкевича («Отеч. записки», 1870, кн. 1; вошло в Полн. собр. соч., т. 8. М., 1937). Щедрин высмеивает стремление автора показать, будто Грановский и так называемое «московское общество» сороковых годов вполне соответствовали друг другу, стремление затушевать в деятельности Грановского все прогрессивное и выходящее за пределы казенной науки.

Весьма лаковичный, но совершенно в том же духе, что у Огарева, отзыв Герцена о книге А. Станкевича находим в его письме к М. К. Рейхель от 22 ноября 1869 г. «Читали ли вы книгу Станк<евича> о Грановском? — спрашивает Герцен и продолжает. — Плох он, т. е. Станк<евич>, и плох написал и много напутал, но мне напомнил время лекций и светлые годы 45, 46. Но не такого биографа нужно было Грановскому» (X.XI, 528). Однако в несколько более раннем письме от 18 ноября 1869 г. — в письме к Огареву (публикуется в настоящем томе) — Герцен подчеркивает одно качество книги А. Станкевича, которое обходит Огарев: хотя эта книга всего лишь «плохая литография с картины», она дает «повод восстановления», в какой степени их собственное начальное идейное развитие (т. е. развитие Герцена и Огарева) отличалось от идейного развития Грановского. У Грановского, отмечает Герцен, «общественные вопросы, потребность политической борьбы и des Eingreifens* самому (<...> едва обозначается в Берлине» (т. е. в 1837—1839 гг.). Таким образом, теоретические размолвки с Грановским в конце сороковых годов, о которых говорил Огарев, рассматриваются Герценом глубже — не как изолированный факт, а как закономерное следствие столкновения двух непримиримых направлений — либерального и революционного.

Откликнулся на книгу А. Станкевича и М. Бакунин. В пространном письме к Огареву от 23 ноября 1869 г. («Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву». Под ред. Драгоманова. Женева, 1896, стр. 244—245) он поделился с ним своими впечатлениями, причем в центре его внимания оказалась не оценка книги, а характеристика самого Грановского. Бакунин подошел к оценке личности Грановского антиисторически, поставив его немногим выше автора книги, которого сам же называет «узенским, мизереньким идеалистом». В мировоззрении Грановского Бакунин под-

* вмешательства (нем.).

черкивает только слабое, ограниченное, полностью игнорируя то прогрессивное, что было в профессорской деятельности Грановского до разрыва с Герценом и Огаревым во второй половине сороковых годов. Бакунин с гсловой выдал Грановского Станкевичу, т. е. тогдашнему русскому монархическому либерализму, призывая Герцена и Огарева духовно отречься от их общего друга.

И на этот раз левая фраза Бакунина объективно ставила его в один ряд с открытыми врагами русского освободительного движения.

⟨Женева. Ноябрь 1869 г.⟩

Я читаю биографию Грановского. Что это за эзели* должны быть — мой приятель Станкевич и покойный Кудрявцев. Такого унижения при желании возвысить память Гранов⟨ского⟩ я не думал встретить. Идеалистическая казуистика, казенный слог мемуаров о генерале Кутузове и т. п. Я дочту до конца потому, что многое меня интересует. Но — в сущности — это дичь невероятная. Зачем же выставлять все ошибочки мальчика, чтоб заявить им глубочайшую преданность. Их можно заявлять мерзким состоянием общества — и тогда это перешло бы в историческое наблюдение за ходом дел, и оно могло бы быть интересно.

Вот вам рецензия, мой новый друг. Я немножко разошелся ⟨с Грановским⟩ в конце 40-х годов, и может вследствие не только юношеских, но и теоретических размолвок. Но оскорбить его память я ничем бы не хотел; и выписывать юношеские quasi-метафизические ошибки нелепо.

Станкевича могла увлечь любовь к брату, а может и недостаток реального смысла. Но все ж это прискорбно. Уже если что можно было проводить в этом жизнеописании, то это только физиолого-исторический смысл, остальное все становится бессмыслицей.

Автограф. ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 80.

* ослы (нем.).